

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНАХ РФ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области)

Ссылка для цитирования: Комарова Т. М., Калинина И. В., Соловченков С. А. Субъективные и объективные оценки личной занятости населения Дальневосточного региона (на примере Еврейской автономной области) // Вестник института социологии. 2021. Т. 12. № 2. С. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

For citation: Komarova T. M., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Subjective and objective assessments of personal employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a case study) // *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

**Комарова
Татьяна Михайловна**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

carpi-komarova@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 157552

**Калинина
Ирина Владимировна**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

e-mail: gaevaiv@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 606516

**Соловченков
Сергей Александрович**

ИКАРП ДВО РАН,
Биробиджан, Россия

solovchenkov@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 147840

Аннотация. В статье на основе объективных и субъективных оценок делаются выводы о личной занятости населения жителей Еврейской автономной области. Раскрыты основные демографические проблемы, отражающие современную ситуацию региона. Показано, что по сравнению с другими дальневосточными субъектами, ЕАО по отдельным показателям занимает позиции аутсайдера (например, по смертности), а по другим – лидера (например, по снижению роста безработицы). В целом общая социально-экономическая ситуация в области свидетельствует о сохранении негативных тенденций постперестроечного периода. Данные выводы подтверждаются и субъективными оценками жителей региона, полученными в ходе социологического исследования. Среди интервьюированных, считающих себя безработными, встречаются как самозанятые, так и экономически неактивные. Выявлено, что около 22% респондентов заняты в неформальном секторе, причём больше половины из них относятся к «вынужденно-занятым», т. к. им не удалось официально трудоустроиться. Городское население в подавляющем большинстве предпочитает стандартные формы занятости, воспринимая неформальную занятость скорее как возможное дополнение к основному месту работы. В сельской местности ситуация противоположная, поскольку неформальная занятость занимает ведущее место, по сути выполняя функции основной занятости. При этом население достаточно пассивно использует возможности получения дополнительных доходов, предпочитая жить на пособия или перебиваться непостоянными заработками. Практически не используется населением возможность повышения своей квалификации или получения дополнительной (новой) рабочей специальности. Более 60% опрошенных частично обеспечивают свои семьи, используя архаичные экономические практики, т. е. собирая и перерабатывая природные ресурсы (дикоросы, охоту и рыбалку), что может свидетельствовать как о некоем культурном феномене местного населения, так и о недостатке финансовых средств у значительной части населения. Среди местного сельского населения произошла определённая мифологизация роли крупных сельскохозяйственных предприятий в развитии территории. Значимая часть опрошенного сельского населения приоритетным направлением развития считает создание сельскохозяйственных рабочих мест, несмотря на то, что данный вид деятельности никогда не являлся ведущим и не приносил большого дохода в область, учитывая сложные агроклиматические условия региона.

Ключевые слова: межрегиональная миграция, личная занятость, безработица, неформальные виды занятости, демографические тенденции

Дальневосточный федеральный округ в современных границах составляет более 40% территории Российской Федерации, однако заселённость региона является одной из самых низких, что связано с рядом факторов, в числе которых суровые агроклиматические условия, относительно короткий период заселения и хозяйственного освоения региона, слабое развитие инфраструктуры. Обладая мощными запасами природных ресурсов, данный регион представляет стратегический и геополитический интерес для нашей страны, что подтверждается разработкой и реализацией государственных программ развития региона¹.

¹ Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.11.2020. № 1801 // Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal/program/34/passport> (дата обращения: 12.03.2021.); Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 и до 2010 года» // URL: <http://www.nsc.ru/win/sbras/bef/pos480.html> (дата обращения: 12.03.2021.).

Одной из важнейших задач является закрепление и повышение численности проживающего здесь населения. Среди предложений по увеличению данного показателя – привлечение мигрантов, вахтовые методы освоения ресурсов, реализация локальных программ (например, Дальневосточный гектар)¹ [8]. На наш взгляд, одной из подобных мер может служить необходимость развития трудового потенциала населения через поиск нестандартных видов занятости. Цель данной статьи – выявление объективных и субъективных факторов, оказывающих влияние на занятость в регионе, проявившихся в последние пять лет. Объективные факторы изучались посредством анализа официальных статистических данных, а субъективные – посредством социологического исследования.

Модельным регионом будет служить Еврейская автономная область (ЕАО), т. к. особенности социально-экономической ситуации здесь в той или иной степени присущи и другим регионам Дальнего Востока России: сокращение численности населения не только за счёт его естественной убыли, но и мощного миграционного оттока, старение населения, недостаточное экономическое развитие.

Еврейская автономная область – приграничный субъект Дальневосточного региона, с 1991 г. самостоятельный субъект Российской Федерации. Население области на 01.01.2020 г. составило 158,3 тыс. человек, при средней плотности 4,3 чел./км². Площадь территории – 36,3 тыс. кв. км. В настоящее время область относится к слаборазвитым регионам Дальнего Востока с низким уровнем жизни населения [19; 15 и пр.].

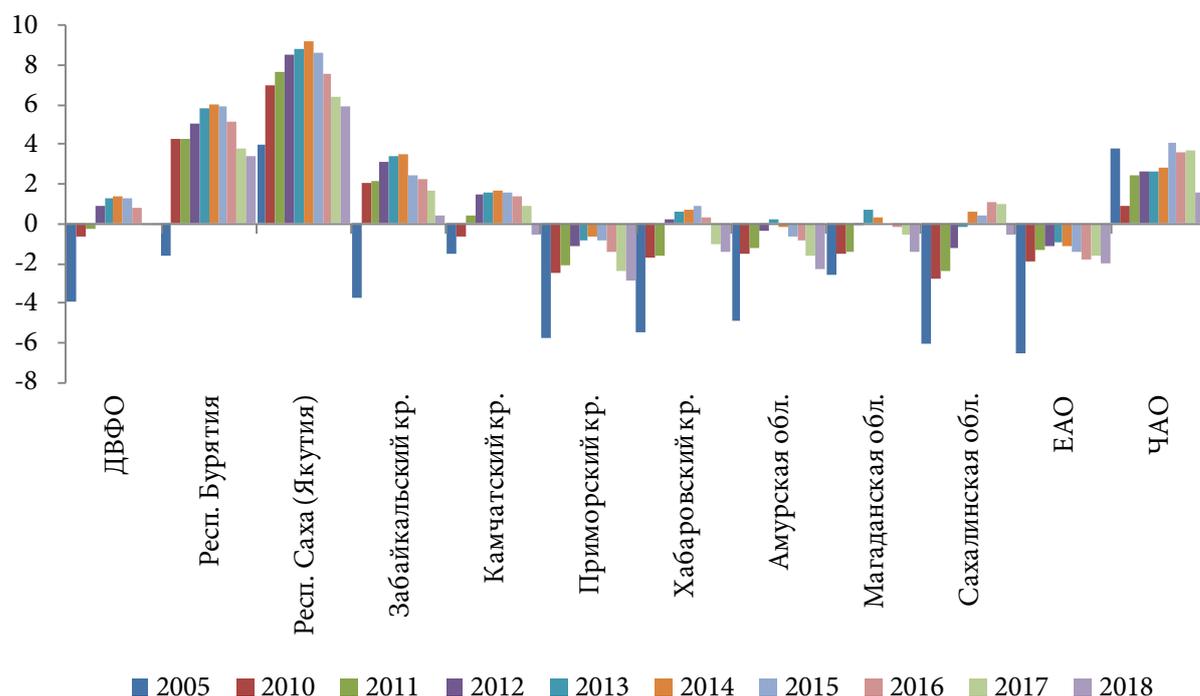
Демографические показатели как фактор оценки занятости населения

Для выявления объективных факторов оценки занятости в современной социально-экономической ситуации нами был проведён анализ статистических данных. Демографический фактор играет большую роль в экономической жизни общества, он необходим для долгосрочного социально-экономического планирования. Без предварительного демографического анализа и последующего прогноза невозможно разработать стратегию социально-экономического развития территории. Говоря о роли демографического фактора, необходимо отметить, что в целом по территории Дальневосточного региона производительные силы размещены крайне неравномерно. Наименее освоенными являются северные горные части, в то время как на территориях, расположенных в зоне Транссибирской железнодорожной магистрали, морских побе-

¹ Россия: программы заселения Дальнего Востока не смогли остановить отток людей // Eurasianet URL: <https://russian.eurasianet.org/россия-программы-заселения-дальнего-востока-не-смогли-остановить-отток-людей> (дата обращения: 12.03.2021.); Демографическая политика // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://minvr.gov.ru/activity/razvitie-msp-i-konkurentsii/razvitie-chelovecheskogo-kapitala/demograficheskaya-politika/> (дата обращения: 12.03.2021).

режий, в долинах крупных рек сосредоточена большая часть населения и основные фонды промышленности и транспорта. Данное размещение населения характерно и для Еврейской автономной области. Можно выделить основные ареалы расселения – вдоль реки Амур и её основного притока на территории области реки Бира, в зоне Транссибирской магистрали с ответвлениями на село Ленинское (граница КНР) и две меридиональных ветки: Известковая – Ургал и Волочаевка – Комсомольск-на-Амуре.

Динамика демографических показателей с разной интенсивностью воздействует на все фазы воспроизводства трудовых ресурсов в разных регионах. Общая численность населения, являющаяся основой формирования трудовых ресурсов, почти синхронно меняется в зависимости от изменения уровня рождаемости, смертности. Коэффициент рождаемости в Еврейской автономной области выше среднероссийских показателей и близок по своим значениям южным дальневосточным регионам. При этом коэффициент смертности в ЕАО является самым высоким в ДФО, что и обуславливает естественную убыль населения, за счёт которого область, даже имея достаточно высокий коэффициент рождаемости в 2011–16 гг., так и не смогла выйти на показатель естественного прироста населения (см. рис. 1*).

*Составлено на основе материалов «Регионы России»¹.

Рис. 1. Коэффициент естественного прироста населения в регионах ДВФО в 2005–18 гг.

Figure 1. Coefficient of natural population growth in the regions of the Far Eastern Federal District in 2005–18.

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

Помимо естественной убыли населения, немаловажное значение при рассмотрении обеспеченности трудовыми ресурсами имеет и его возрастная структура. Возрастной состав населения предопределяет значимые с экономической точки зрения показатели демографической нагрузки, т. е. соотношения численности населения в рабочем и нерабочем возрастах. В начале 2000-х гг. Россия вступила в полосу быстрого роста демографической нагрузки как пожилыми, так и детьми. Если говорить о нагрузке детьми, то, согласно прогнозам, её рост к концу третьего десятилетия XXI в. прекратится, а, возможно, начнётся и сокращение [1].

Для территории ЕАО, как и в целом для всего Дальнего Востока, характерна более молодая возрастная структура населения. Так, в 1989 г. доля детей в РФ составляла 24,5%, в ЕАО несколько выше – 30,9%; доля лиц старше трудоспособного возраста соответственно 18,5 и 15,9%. При снижении рождаемости произошло увеличение доли населения старших возрастов. В ЕАО доля детей максимальных показателей в 2017–18 гг. достигала 21,1% с дальнейшим сокращением (в 2019 г. до 20,9%), в среднероссийской ретроспективе максимальная доля детей отмечалась в 2018–19 гг. – 18,7%. Доля населения трудоспособного возраста в области среди дальневосточных регионов была минимальной в 2018 г. – 55,6%, с последующим небольшим ростом в 2019 г. до 56,6%; данные показатели близки среднероссийским, соответственно 55,4 и 56,3%¹ [12; 13; 10].

По доле детского населения ЕАО в Дальневосточном округе уступает Республикам Бурятия и Саха (Якутия), Чукотскому автономному округу и Забайкальскому краю². Но темпы роста численности детей в ЕАО и ДФО в целом выше, чем по России, соответственно в 1,30 и 1,17 раза. По классификации ООН, население региона считается демографически старым, если доля населения старше 65 лет составляет более 7%. В 1990 г. область перешла данный порог. Этот показатель имеет тенденцию к росту: в 2015 г. он составил 11,1%, в 2017 – уже 12,8%, а в 2019 г. – 13,9%.

Коэффициент потенциальной поддержки (соотношение численности населения 15–64 лет к численности населения 65 лет и старше) учитывается при разработке программ соцобеспечения населения. В области за 2008–19 гг. он снизился с 7,06 до 4,77 (для расчёта был выбран 2008 г. в связи с тем, что со следующего за ним года началось сокращение доли трудоспособного населения).

Для анализа показателя демографической нагрузки в качестве первоначального года отсчёта был взят 2005, т. к. именно в этот год демографическая нагрузка была одной из самых минимальных за два десятилетия XXI в. – 545 на 1000 человек трудоспособного возраста (среднерос-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

² Там же; Демографический ежегодник Еврейской автономной области. 2019. Стат. сб. Биробиджан: Хабаровскстат, 2019. 137 с.

сийский показатель – 589). Нагрузка в ЕАО, наряду с Амурской областью (в старых границах ДФО, а в новых границах – наряду с Республикой Бурятия) была самая высокая. В 2018 г. показатель демографической нагрузки достиг своего пика как по среднероссийским показателям (804), так и во всех регионах ДФО, с максимальными показателями по Республике Бурятия (826) и ЕАО (799). Наименьший показатель демографической нагрузки отмечался только в Чукотском автономном округе (621). При этом в большинстве регионов ДФО, так же как и в среднем по России, большая доля демографической нагрузки приходится на население старше трудоспособного возраста, за исключением Республики Бурятия, где доля детей в структуре нагрузки выше в 1,2 раза. В ЕАО при общей демографической нагрузке 764 в 2019 г. на долю старшего возраста приходится 396 и на детей – 368. Если в целом по России доля населения старше трудоспособного возраста в демографической нагрузке составляла 58%, то в ЕАО она была несколько ниже – 52,5%. За 2005–18 гг. отмечался значительный рост общей демографической нагрузки, поскольку пенсионного возраста достигли многолюдные поколения, родившиеся в 1950-е гг. Старение населения неизбежно сопровождается значительным сокращением работоспособной его части. Убыль населения в трудоспособных возрастах началась в области в 2006 г. С 1995 г в результате демографической волны и роста рождений в 1980-х гг. численность трудоспособного населения росла вплоть до 2007 г., достигнув своего максимума в 65,1% при среднероссийских показателях 63%. Одна из причин – снижение рождаемости в 1990-е гг.¹ [16]. В 2019 г. отмечается снижение показателя демографической нагрузки на трудоспособное население как по России, так и по Дальневосточному округу, отчасти на наш взгляд это связано со снижением показателей рождаемости, увеличением пенсионного возраста и изменением статистических показателей, т. к. ранее при расчёте демографической нагрузки учитывались мужчины возраста 16–59, женщины 16–54 лет, то с 2019 г. – мужчины 16–60, женщины 16–55 лет.

Обращает на себя внимание также постарение потенциальных работников в ЕАО в ближайшие десятилетия. Если доля лиц от 40 лет до пенсионного возраста возрастёт до 2028 г. с 26,1 до 32%, то доля молодых (от 25 до 35 лет) сократится с 16,9 до 11,9%. Практически сходная динамика характерна и в целом для страны. Тенденции, складывающиеся в демографической сфере, в целом негативно воздействуют на трудовой потенциал населения, снижая общую его численность и формируя неблагоприятные изменения в возрастной структуре. Так, начиная с 2010 г., доля населения старше трудоспособного возраста стабильно растёт достаточно высокими темпами. За анализируемый период она выросла в области с 16,6 до 22,5% (2019 г.), в России – с 20,5 до 25%. Доля детей в 2019 г. составила 21,1% при среднероссийских показателях 18,7%. При этом в тот же период снизилась демо-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

графическая нагрузка старшими возрастными группами, и это характерно для всех регионов округа. В области этот показатель снизился с 420 до 396. Вероятнее всего, это связано, как уже говорилось выше, с пенсионной реформой.

Анализируя собственно трудовые ресурсы, можно увидеть следующую картину. В России в целом, как и в Дальневосточном регионе, в частности, отмечается сокращение численности населения, и, соответственно, трудовых ресурсов. Так, численность рабочей силы в возрасте 15 лет и старше в РФ и во всех субъектах ДФО снижалась, за исключением Республики Саха, где показатель увеличился за счёт зарубежных мигрантов¹. Согласно работам С. Н. Мищук, значительную роль в существующей ситуации играют мигранты, выходцы из стран, входящих в Евразийский экономический союз, поскольку данная категория трудовых ресурсов имеет право трудоустраиваться наравне с российскими гражданами и остаётся неучтенной [14]. Так же следует учитывать изменение методики статистического учёта мигрантов 2011 г., в которой при подсчёте мигрантов помимо лиц, зарегистрированных по месту жительства, учитываются и те, кто получал регистрацию по месту пребывания на срок девять месяцев и более [18].

Необходимо отметить, что во всех регионах ДФО, как и в России в целом, наблюдается рост численности рабочей силы в городах, но два региона – Магаданская область и ЧАО – отличаются от общих тенденций пусть незначительным, но ростом рабочей силы в селе. При этом в обоих регионах идёт снижение численности населения, особенно сельского. Несколько отличается ситуация с занятыми в возрасте 15 лет и старше (см. табл. 1). Здесь также выделяется республика Саха с ростом общей численности занятых как в селе, так и в городе, что, по мнению С. Н. Мищук, связано с началом реализации ряда инвестиционных проектов крупных российских компаний, активно привлекающих трудовые ресурсы из других регионов России [14].

Также отметим, что миграционный отток за пределы Дальневосточного региона играет значительную роль в снижении числа занятых в сельской местности. Это подтверждает тот факт, что показатели ситуации в городе не соотносятся с показателями в селе (см. табл. 1).

Рассматривая межрегиональную трудовую миграцию в Дальневосточном регионе, мы видим некоторую динамику. Так, ДФО в целом в 2016 г. отмечалось превышение выезда трудовых мигрантов над въездом. В 2019 г. тенденции противоположные. Подобная картина характерна и для Сахалинской области. На наш взгляд, это связано с увеличением требований рабочих, занятых на крупных инвестиционных проектах. Республика Саха (Якутия), Камчатский и Хабаровский края, Амурская и Магаданская области были и остаются привлекательными регионами для трудовых мигрантов. В исследуемый период времени изменилась ситуация с Забайкальским и Приморским краями, которые стали менее

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. М.: Росстат, 2020. 1242 с.

привлекательны для въезжающих, и если в 2016 г. туда больше въезжало, то в 2019 г. стало больше выезжать. Мы предполагаем, что в Приморском крае это связано с тем, что для мигрантов, особенно зарубежных, наиболее привлекательными являются регионы с добывающими отраслями, а в Забайкальском – со снижением общей численности населения и непосредственно занятого. Два региона как теряли, так и продолжают терять рабочую силу – т. е. количество въезжающих значительно ниже выезжающих на работу за пределы региона (ЕАО и Республика Бурятия).

Таблица 1 (Table 1)

Соотношение занятых 15 лет и старше в 2016–19 гг., (% от 2016 г.)*
Ratio of employed persons aged 15 and over in 2016–19 (% of 2016)

Регион	Всего	Из них			
		Мужчины	Женщины	Город	Село
Российская Федерация	99,4	99,2	99,5	100,3	96,4
ДФО	98,0	97,8	98,2	99,1	94,5
Республика Бурятия	96,1	95,7	97,5	98,5	92,6
Республика Саха (Якутия)	102,6	102,2	103,6	102,2	103,7
Забайкальский край	99,8	100,8	98,7	101,7	94,6
Камчатский край	99,4	100,0	100,0	100,7	94,6
Приморский край	96,0	95,8	96,3	96,3	94,4
Хабаровский край	96,9	97,5	96,4	98,3	90,3
Амурская область	99,2	98,0	100,5	101,8	92,0
Магаданская область	95,3	95,5	95,2	95,1	75,0
Сахалинская область	99,6	98,5	100,8	101,4	90,9
Еврейская автономная область	93,6	95,0	92,1	96,4	90,5
Чукотский автономный округ	96,8	100,0	93,3	95,7	100,0

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

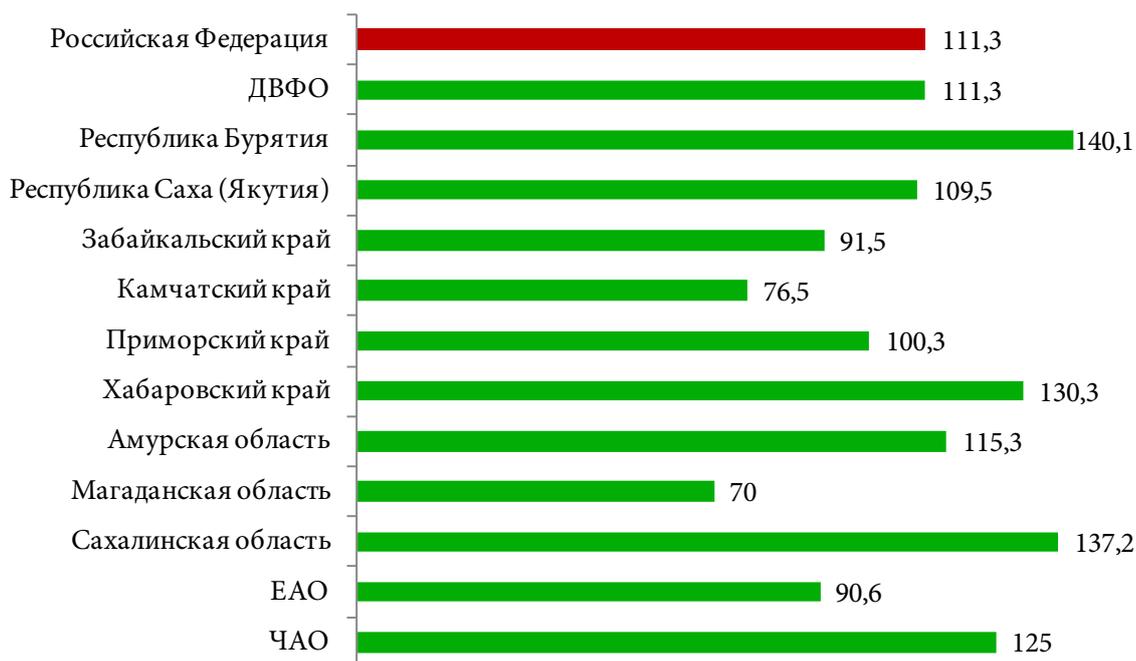
В целом в России в 2019 г. отмечается незначительный рост числа занятого населения, работающего на территории другого субъекта: 107,2% по отношению к 2016 г. в основном за счёт тех, кто ежедневно совершает перемещения между субъектами (119,7% занятых). В Дальневосточном регионе одним из примеров может служить ежедневная трудовая миграция между Хабаровским краем и ЕАО. Близлежащие к Хабаровскому краю населённые пункты области являются поставщиками трудовых ресурсов для города Хабаровска в связи с большим выбором мест трудоустройства и более высоким уровнем заработных плат.

При этом отмечается (пусть и незначительное) сокращение занятых, работающих за пределами постоянного места жительства и возвращающихся домой раз в неделю (76%), 1–2 раза в месяц (95,9%) и реже

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

одного раза в месяц (99,1%). И всё же около 30% занятых, работающих удалённо от места проживания, бывают дома редко, что в будущем может оказать влияние на внутрисемейные взаимоотношения и привести к изменению состава семей.

Отдельного изучения требуют занятые в производстве товаров для собственного использования. Рисунок 2 демонстрирует в большинстве исследуемых регионов рост количества занятых подобной деятельностью, только в четырёх регионах наблюдается отрицательная динамика, объясняемая общим снижением численности населения*.

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

Рис. 2. Занятые, занимающиеся производством товаров для собственного использования, отношение общей численности в 2019 г. к 2016 г.

Figure 1. Those employed in the production of goods for their own use, the ratio of the total number in 2019 to 2016

Необходимо заметить, что основной трудовой деятельностью для исследуемой категории являются сельское хозяйство и переработка, а также сопутствующие им виды деятельности (рыболовство, охота, собирательство) (см. табл. 2). В большинстве регионов строительство или крупный ремонт занимают следующий тип, за исключением Магаданской области, где столь незначителен подобный показатель, что, по сути, не отображается в таблице 2. В ЕАО данный показатель не выбивается из общерегиональных и общероссийских, и имеет негативные тенденции.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

Таблица 2 (Table 2)

**Занятые трудовой деятельностью по производству товаров
для собственного использования,**
% от общей численности занятых данным видом деятельности по региону*
*Those employed in the production of goods for their own use,
% of the total number of people employed in this type of activity by region*

Регион	Производство и/или переработка для хранения продуктов с/х, рыболовства, охоты и собирательства	Заготовка дров или иных видов топлива	Производство бытовых товаров	Строительство или крупный ремонт собственного жилья, сельско- хозяйственных построек и т. д.
Российская Федерация	84,5	4,7	8,96	12,0
Дальневосточный ФО	80,2	9,5	9,2	14,8
Республика Бурятия	76,3	14,9	13,4	18,3
Республика Саха (Якутия)	67,3	11,5	11,5	22,1
Забайкальский край	75,6	11,8	9,9	19,9
Камчатский край	84,6	3,9	7,7	7,7
Приморский край	82,7	6,0	8,2	12,6
Хабаровский край	90,4	6,0	3,0	8,6
Амурская область	83,4	10,6	7,3	12,6
Магаданская область	57,1	0,0**	42,9	0,0**
Сахалинская область	72,5	11,7	9,8	17,6
ЕАО	86,2	3,5	10,3	13,8
Чукотский АО	100,0	...**	2,0	2,0

*Составлено на основе материалов «Итоги выборочного обследования рабочей силы»¹.

**0,0 – минимальные значения; ... – нет данных. Сумма значений по строкам больше итога, т. к. некоторые указывали сразу несколько видов занятости по производству товаров для собственного использования.

Одним из резервов увеличения занятого населения является сокращение безработицы, уровень которой в 2019 г. в России составлял 5,5%. При анализе данного показателя на уровне ДФО можно увидеть, что среднерегиональный уровень безработицы превышает общероссийский в 1,2 раза. Максимальные показатели характерны для Забайкальского края, Бурятии, ЕАО (2; 1,7; и 1,5% соответственно), минимальные – для Чукотского АО и Камчатского края (0,6 и 0,7% соответственно). При этом необходимо заметить, что ЧАО является единственным регионом ДФО, где в последние пять лет отмечается рост безработицы (120% от 2015 г.). В ЕАО в исследуемый период наблюдалось максимальное сокращение общей численности безработных (68,6% от

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021)

уровня 2015 г.). Но полностью сократить безработицу в области не представляется возможным, т. к. большинство неработающих – это хронические безработные, уже неспособные к переквалификации.

Анализ результатов социологического исследования занятости жителей ЕАО

Для изучения нестандартных форм занятости необходимо понять, что является стандартом. По мнению некоторых авторов (см., например, [17; 2]), стандартной занятостью считается занятость по найму на основе бессрочного трудового договора, заключённого с предприятием или организацией, под руководством либо самого работодателя, либо назначенных им менеджеров в режиме полного рабочего дня. Значительная часть развитых стран (в том числе и Россия) законодательно оформила данную форму как стандартную, при этом все другие формы занятости рассматриваются как нестандартные. Соответственно, с некоторыми оговорками мы можем использовать данные по неформальной занятости в России и в Дальневосточном регионе, предоставляемые Росстатом. Однако анализ показал, что критерием определения единиц неформального сектора Росстатом было принято отсутствие государственной регистрации в качестве юридического лица¹. Под данную категорию автоматически попали и индивидуальные предприниматели², что не соотносится с нашим пониманием неформальной занятости.

В. Е. Гимпельсон и Р. И. Капелюшников считают, что в силу индивидуального и неинкорпорированного характера малое предпринимательство остаётся вне отчётности формального сектора, и именно это их роднит с неформальным сектором [2]. С нашей точки зрения, ИП и малое предпринимательство ограничены значительным количеством формального регламента (налоговой базой, отчётностью и пр.), что уже свидетельствует о формальности этой занятости. К неформальному же сектору относится частично скрытая трудовая занятость неформального характера (например, помимо деятельности по основной должности, сотрудник выполняет дополнительную).

В рамках исследования занятости необходимо ввести ещё одно относительно недавно возникшее понятие. Прекарная занятость (от лат. «precarious» – нестабильный, неустойчивый, негарантированный), которая как феномен современной экономики подробно рассмотрена в работах Ж. Т. Тощенко [20; 21], З. Т. Голенковой [3; 4], Ю. В. Голиусовой [5; 6; 7]. Однако, несмотря на наличие разнообразных отечественных и зарубежных работ по данному направлению, единого подхода к определению и измерению прекарной занятости не выработано.

¹ Итоги выборочного обследования рабочей силы // Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13265> (дата обращения: 2.03.2021).

² Статья 23 гражданского кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. N 32. Ст. 3301; ...2009. № 7. Ст. 775.

Для всестороннего и качественного исследования разнообразных видов занятости необходимо использовать социологические методы. В 2018 г. в населённых пунктах ЕАО (по четыре в каждом районе) авторами было организовано и проведено социологическое исследование, предпринятое для оценки ситуации с развитием нестандартных видов занятости среди сельского населения. Для составления выборки при проведении социологического опроса использовалась методика многоступенчатого отбора.

Сначала выбирались населённые пункты, исходя из категории людности и ряда характеристик экономико-географического положения (удалённость от центра района и области, рынков сбыта, наличие транспортных путей и пр.). Под малыми населёнными пунктами понимались пункты с людностью до 500 человек.

Далее рассчитывалась выборка для каждой группы населённых пунктов. Расчёт выборки по обоим исследованиям происходил по единому принципу: квотная выборка, репрезентативная по полу и возрасту. Точность выборки в обоих исследованиях – 95%, доверительный интервал – 5%.

Первым этапом проводился опрос жителей двух крупных населённых пунктов в каждом районе области (см. табл. 4). Выборка первого этапа составила 250 респондентов. Далее опрашивалось население малых населённых пунктов по единому принципу – два в каждом районе области. Размер выборки – 130 респондентов. Опрос проводился маршрутным методом.

Таблица 3 (Table 3)

Распределение выборки по районам и типам населённых пунктов, чел.

Distribution of the sample by districts and types of settlements, men

Район	Выборка для крупных населённых пунктов	Выборка для малых населённых пунктов
Биробиджанский	35	18
Смидовичский	76	40
Облученский	53	27
Ленинский	56	29
Октябрьский	30	16
Итого	250	130

Подобная, двухступенчатая форма опроса была выбрана для того, чтобы иметь возможность выявить ситуацию в малых сельских населённых пунктах. При прямом расчёте выборки такие населённые пункты либо представлены единичными респондентами, либо выпадают из выборки полностью. Авторы осознают, что подобная методика приводит к некоторому перекоосу в выборке в сторону малых населённых пунктов, увеличению их «веса», но считают, что для выяснения реальной ситуации это оправдано.

В таблице 4 дана характеристика половозрастной структуры выборки. Колебания данных показателей по отдельным районам области крайне незначительны и на выборочную совокупность не влияют.

Таблица 4 (Table 4)

Распределение выборки по полу и возрасту, %
Distribution of the sample by sex and age, %

Градации		Возраст, лет				Итого
		18–30	31–50	51–60	старше 60	
Пол	Мужской	12,9	16,5	7,2	7,2	43,8
	Женский	11,3	19,1	11,9	13,9	56,2
Итого		24,2	35,6	19,1	21,1	100,0

В качестве контрольного показателя для оценки адекватности сформированной выборки нами использовался уровень образования населения области (см. табл. 5). Как показало сравнение показателей, предоставленных областной статистикой и выбранных нами, – погрешность не превышает 5%.

Таблица 5 (Table 5)

Распределение выборки по уровню образования населения, %
Distribution of the sample by the level of education of the population, %

Уровень образования респондента	
Менее 8 классов	4,1
Среднее и неполное среднее	40,2
Среднее специальное и среднее техническое	40,7
Высшее и неполное высшее	14,9

В 2015 г. в экономике ЕАО было занято 77,9 тыс. чел. Численность безработных составляла 6,7 тыс. чел. (7,9% от численности рабочей силы), половина из которых проживала в сельской местности¹. В 2019 г. количество занятых составило 73 тыс. чел., а безработных 4,8 (6,2% от численности рабочей силы). Согласно проведенному опросу в 2018 г. отсутствие постоянного рабочего места на момент проведения исследования отмечалось в 33% случаев (см. табл. 6).

Примечательно, что среди назвавших себя безработными, были и те, кто при строгом следовании методике MOT относится к экономически неактивному населению и самозанятым. Однако интервьюируемые позиционировали себя именно как не имеющие работы. Возможно, данное обстоятельство обусловлено получением низкой прибыли с видов выполняемой ими деятельности для обеспечения потребностей семей или данный вид занятости не воспринимается ими как трудовая деятельность. Встречались и те, кто указывал вид стандартной занятости (торговля дикоросами или овощами, строительство, сельское хозяйство), при этом являясь занятыми для собственных нужд.

¹ Труд и занятость в Еврейской автономной области. 2016. Стат. сб. Биробиджан: Еврстат, 2016. 93 с.

Таблица 6 (Table 6)

Виды занятости сельского населения по результатам опроса, %
Types of rural employment based on the survey results, %

Виды занятости*	
Безработный	33,2
Государственная служба (администрация, полиция, военные, пожарные, соцобслуживание)	13,3
Здравоохранение	3,1
Культура	4,0
Образование	9,2
Общественное питание	2,0
Предоставление услуг ЖКХ	12,9
Сельское и лесное хозяйство	4,3
Строительство	2,3
Торговля	10,1
Транспорт и связь	4,6
Финансовая деятельность	1,0

* В таблице представлены варианты ответов за вычетом пенсионеров.

По мнению 5% опрошенных, крупное государственное сельхозпредприятие в пределах населённого пункта могло бы решить не только проблему отсутствия рабочих мест в селе, но и взять на себя решение вопросов социального характера. Стоит отметить, что и до 1990 г. сельское хозяйство в ЕАО не являлось лидирующим в производстве, занимая максимум 16% в структуре отраслей специализации, что обусловлено местоположением территории области в зоне рискованного земледелия [11]. Следовательно, возведение подобного предприятия не сможет решить озвученных населением проблем.

Несколько больше 57% респондентов предпочитают формальное трудоустройство, обеспечивающее материальный доход и социальные гарантии. В сельской местности подобное трудоустройство – редкость, но есть вероятность устройства на временную работу у китайских или российских фермеров. Как правило, жители выбирают работу у иностранных фермеров, мотивируя тем, что те более лояльны к местному населению.

Даже при весьма небольших возможностях официального трудоустройства в сельской местности, заинтересованное население находит дополнительную работу (см. табл. 7).

Как видно из представленной таблицы, почти 20% опрошенных имеют дополнительный источник дохода. При этом только 3% из них – это официальное совмещение. Следовательно, остальные 17% могут быть отнесены к занятым в неформальном секторе. Однако, как видно из последующих ответов респондентов, ситуация с неформальной занятостью намного сложнее (см. табл. 8).

Таблица 7 (Table 7)

Ответы на вопрос: «Имеете ли вы дополнительную работу?», %
Respondents' answers to the question: "Do you have an additional work?", %

Ответ респондента	
Нет	79,4
Официальная, неполный рабочий день	3,1
Неформальная, полный рабочий день	2,1
Неформальная, неполный рабочий день	4,6
Самозанятость	8,8
Занятость по устной договорённости	1,5
Занятость у частного лица	0,5
Всего	100,0

Таблица 8 (Table 8)

Ответы респондентов на вопрос: «Почему вы заняты в неформальном секторе?», %
Respondents' answers to the question: «Why are you employed in the informal sector?», %

Ответ респондента	
Нет ответа	77,8
Нет официальных рабочих мест	12,9
Нет достаточного образования для официальной занятости	0,5
Нет желания работать на «чужого дядю»	3,6
Другое	5,2
Всего	100,0

Из таблицы следует, что заняты в неформальном секторе около 22% опрошенных. Заслуживает отдельного внимания тот факт, что больше половины из них (почти 13%) составляют люди, вынужденно занятые в неформальной экономике, которым не удалось найти официального трудоустройства.

На наш взгляд, сложилась достаточно напряжённая ситуация в связи с тем, что почти пятую часть трудоспособного населения сельской местности Дальнего Востока составляют люди, исключённые из правового поля регулирования трудовой деятельности. Это влечёт за собой целый комплекс негативных последствий как экономического плана (уклонение от налогообложения, отсутствие социальных гарантий и пенсионного обеспечения), так и социальных, связанных с невозможностью баланса интересов работник – работодатель.

В ситуации, когда поиск мест трудоустройства, как официальных, так и неформальных, достаточно затруднён, одним из возможных вариантов решения проблемы может являться получение дополнительной, более востребованной профессии. Однако, как показывает опрос, ситуация несколько иная.

Таблица 9 (Table 9)

Ответы респондентов на вопрос: «Вы готовы получить дополнительное образование для нахождения новой работы?», %*

Respondents' answers to the question: «Are you ready to receive additional education to find a new job?», %

Ответ респондента	
Да, высшее	24,2
Да, среднее специальное	14,9
Да, курсы повышения квалификации	10,8
Да, без отрыва от рабочего места	8,8
Нет	51,0
Затрудняюсь	0,5
Всего	110,3

*Респондент мог выбрать несколько вариантов ответа.

Больше половины опрошенных не имеют желания или не готовы получать дополнительное образование. Конечно, значительная часть из них — это люди в возрасте 50 лет и старше, однако стоит отметить, что примерно треть — люди в возрасте до 50 лет. На наш взгляд, подобная ситуация в значительной степени связана с нежеланием людей предпринимать сколько-нибудь значительные усилия для её изменения в лучшую сторону. Они готовы работать эпизодически, скрываясь от государства, или не работать вовсе, но не желают получать новую профессию. Хотя, стоит отметить, что может быть и иное объяснение. Люди не верят, что получение новой профессии, т. е. инвестиционные вложения в свой человеческий капитал, им удастся компенсировать в обозримом будущем.

Более подробно ситуация в сёлах и проблемы нестандартной занятости сельских жителей рассматриваются в работе авторов, основанной на более раннем исследовании [9]. Но, как показал анализ результатов нынешнего социологического исследования, ситуация кардинальным образом не изменилась (см. табл. 6). Местным жителям, особенно, занимающимся сельским хозяйством как в селе, так и в пригороде, для сохранения самозанятости, приносящей относительно стабильные доходы, приходится самостоятельно искать рынки сбыта или вообще отказываться от подобной занятости в связи с возникающими сложностями.

Значительный процент опрошенных (более 60%) для обеспечения своей семьи используют природные ресурсы. Предпочтение отдаётся сбору дикоросов (45%) и рыбалке (38%). Около 20% респондентов занимаются охотой; как правило, это жители районов, имеющих наименьшую заселённость и природные предпосылки к подобного рода деятельности (Облученский и Октябрьский).

В последние годы в области активно внедряются нестандартные виды занятости, такие как фриланс, телетруд, аутсорсинг (1% опрошенных респондентов). Отметим, что это не повсеместное, но часто используемое в определённых кругах деятельности изменение стандартной формы занятости, необходимое для нормального функционирования

малого предприятия. Специалист, привлекаемый руководителем индивидуального или малого предприятия, выполняет определённую работу, не привязываясь ни к рабочему графику, ни к офису работодателя, что позволяет ему самостоятельно контролировать рабочий процесс и свой доход (т. к. появляется возможность одновременно выполнять работу для нескольких резидентов). Одними из часто используемых возможности аутсорсинга являются предприятия, оказывающие рекламные услуги. Сельские предприниматели, работающие в одном населённом пункте, зачастую используют аутсорсинг (транспортный для совместной доставки грузов, наём спецтехники для выполнения определённых видов работ).

Таблица 10 (Table 10)

Ответы на вопрос: «Что нужно сделать в области и в вашем населённом пункте для успешного и устойчивого социально-экономического развития?», %*
Answers to the question: "What needs to be done in the region and in your locality for successful and sustainable socio-economic development?", %

Ответ респондента	
Создать рабочие места и условия для работы	35,3
Восстанавливать и развивать сельское хозяйство	13,3
Привести дороги в нормальное состояние и наладить общественный транспорт	12,1
Улучшить жизнь на селе (провести благоустройство; организовать досуг детей и молодёжи через развитие торговых, спортивных, образовательных центров)	22,5

*Приведены не все ответы.

По мнению респондентов, наибольший эффект для развития территории будет иметь создание рабочих мест. Подобным образом высказываются более трети опрошенных. Характерно, что на селе неудовлетворёнными условиями жизни значительно меньше. Люди согласны жить в весьма стеснённых жизненных условиях, ставя на первое место возможность трудоустройства (приоритет при этом отдаётся сельскохозяйственному труду), что, на наш взгляд, весьма показательно.

Заключение

Таким образом, анализ статистических данных, принятых нами за объективные показатели, и ответы респондентов социологического исследования, отнесённые к субъективным данным, подтверждают наличие существующей проблемы личной занятости населения в ЕАО.

Попытки разграничить факторы, оказывающие влияние на занятость населения ДФО на объективные (действующие вне зависимости от желания населения) и субъективные (как традиционные элементы историко-культурных практик и представлений) дают нам следующий результат. Объективные факторы: 1. Комплекс демографических характеристик населения, характеризующих процесс сокращения и старения населения Дальнего Востока; 2. Миграционные факторы, приводящие

как к перераспределению занятости внутри региона, так и к оттоку работоспособного населения, явно просматриваемые элементы маятниковой миграции (удалённая и вахтовая занятость). Субъективные факторы: 1. Глубоко укоренившаяся практика использования архаичных источников дохода для самообеспечения семьи (охота, рыбалка, дикоросы); 2. Возникновение и закрепление представления о том, что крупное сельскохозяйственное предприятие может стать решением большинства экономических и социальных проблем региона; 3. Пассивность значимой части населения в решении вопросов занятости (как пример – нежелание дополнительного обучения, переквалификации); 4. Определённая легитимизация неформальных, скрытых форм занятости.

Среди респондентов, считающих себя безработными, велика доля тех, кто при строгом использовании методики МОТ являются экономически неактивными и самозанятыми. Так, около 20% сельского населения исключено из правового поля регулирования трудовой деятельности.

Отсутствие постоянной занятости у сельского населения влечёт комплекс негативных социально-экономических последствий. Несмотря на это, почти у 60% респондентов в приоритете формальное трудоустройство, которое не всегда обеспечивает необходимыми финансами семью занятого, но более привычно с точки зрения восприятия обычного сельского жителя (формально устроен, значит – есть стабильность). Примечательно, что население не готово получать дополнительное образование или новые специальности для изменения своего трудового статуса, предпочитая не работать вообще или заниматься приусадебным сельским хозяйством.

В поисках заработков как мужское, так и женское занятое население всё чаще прибегает к отходничеству. Заставляет задуматься и тот факт, что у трети работающих вахтовым методом, и соответственно подолгу отсутствующих по месту постоянного жительства, в перспективе могут измениться семейные ценности, что может сказаться на внутрисемейных отношениях, а возможно и привести к распаду семей.

Большая часть населения в обеспечении своих семей использует природные ресурсы (рыболовство, охоту, собирательство), что может свидетельствовать об особенностях местной кухни или о крайне низком достатке семей, нуждающихся в использовании бесплатных продуктов питания.

Более трети опрошенных высказались о необходимости создания дополнительных рабочих мест, как правило, сельскохозяйственной направленности, не задумываясь о сложных агроклиматических условиях территории области, поскольку считают сельское хозяйство естественным занятием на селе.

Библиографический список

1. Андреев Е., Вишневский А. Ближайшие демографические перспективы России // Демоскоп Weekly. № 601–602. 2–15.06.2014. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0601/s_map.php (дата обращения: 5.03.2021).

2. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Нестандартная занятость и российский рынок труда. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 400 с.
3. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Прекариат как новая группа наемных работников // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 1 (195). С. 47–57.
4. Голенкова З. Т., Голиусова Ю. В. Российский прекариат: проблемы накопления человеческого капитала // Вестник Института социологии. 2016. № 3 (18). С. 57–69.
5. Голиусова Ю. В. Проблемы социальной мобильности молодежи с прекарной занятостью // Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения). Международная научная конференция, Сыктывкар, 10–12 октября 2019 г.: сб. научных трудов. Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. С. 94–102.
6. Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи (по результатам социологических исследований) // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сб. статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4–5 февраля 2019 г.) / Под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 184–188.
7. Голиусова Ю. В. Прекарная занятость молодежи как способ избегания безработицы и незанятости // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. 2019. № 4. С. 74–83.
8. Демографический потенциал Дальнего Востока, его динамика и качество // Веб-сайт «Рыбаковский Л. Л.». URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (дата обращения: 12.03.2021).
9. Калинина И. В., Соловченков С. А. Проблемы развития нестандартной занятости в сельской местности Еврейской автономной области // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 4. С. 33–45.
10. Комарова Т. М. Современные тенденции в возрастной и половой структуре населения Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 131–134.
11. Комарова Т. М. Экономико-географические факторы территориальной организации хозяйства Еврейской автономной области на этапе перехода к рыночным отношениям: дис. ... канд. геогр. наук / Рос. акад. наук. Сибирск. отд-ние. Ин-т географии им. В. Б. Сочавы. Иркутск, 1998. 171 с.
12. Комарова Т. М., Калинина И. В., Мищук С. Н. Социально-демографическая безопасность приграничного региона (на примере Еврейской АО) // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России / Отв. ред В. М. Котляков, В. Н. Стрелецкий, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов. М.: Изд. дом «Кодекс», 2016. С. 578–595.
13. Комарова Т. М., Неверова Г. П., Суховеева А. Б. Демографический кризис и моделирование демографического развития приграничного региона юга Дальнего Востока России (на примере Еврейской автономной области) // Национальные проекты и сбережение нации. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 155–163.

14. Мищук С. Н. Динамика внутренней и международной трудовой миграции на Дальнем Востоке России // Наука. Культура. Общество. 2020. № 1. С. 68–74.
15. Мищук С. Н., Калинина И. В. Современная социально-экономическая ситуация в Еврейской автономной области в период реализации инвестиционных проектов // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 95–102.
16. Население России 2013: Двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С. В. Захаров. М.: ИД ВШЭ, 2015. 428 с.
17. Никифорова А. А. Рынок труда: занятость и безработица. М.: Международные отношения, 1991. 184 с.
18. Павловский Е. В. Краткосрочное прогнозирование миграции в России. Диссертация ... канд. экон. наук / ФГБОУ Высшего образования «Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет». СПб., 2019. 181 с.
19. Ревуцкая О. Л., Красота Т. Г. Производственный потенциал Еврейской автономной области: оценка и сопоставление с регионами Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2020. Т. 23. № 4. С. 22–34.
20. Тощенко Ж. Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. М.: Наука, 2018. 350 с.
21. Тощенко Ж. Т. Прекарная занятость – феномен современной экономики // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 3–13.

Статья поступила 30.04.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Комарова Татьяна Михайловна, кандидат географических наук, доцент, заместитель директора по научной работе ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия
Калинина Ирина Владимировна, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия
Соловченков Сергей Александрович, кандидат социологических наук, учёный секретарь ИКАРП ДВО РАН, Биробиджан, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Subjective and Objective Assessments of Personal Employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a Case study)

Tatiana M. Komarova

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: carpi-komarova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7876-4284

Irina V. Kalinina

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: gaevaiv@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-8628-8505

Sergey A. Solovchenkov

ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

E-mail: solovchenkov@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-2687-725X

For citation: Komarova T. M., Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Subjective and objective assessments of personal employment at the Russian Far East (Jewish Autonomous Region as a case study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No 2. P. 101–122. DOI: 10.19181/vis.2021.12.2.717

Abstract. Based on objective and subjective assessments, the article draws conclusions about the personal employment of the population of the residents of the Jewish Autonomous Region. The main demographic problems reflecting the current situation in the region are revealed. It is demonstrated that, in comparison with other Far Eastern regions, the Jewish Autonomous Region is in the position of an outsider in some indicators (for example, in mortality), and in others – in a position of a leader (for example, in reducing the growth of unemployment). The general socio-economic situation in the region testifies to the persistence of negative trends in the post-perestroika period. These conclusions are confirmed by the subjective assessments of the residents of the region, obtained in the course of a sociological study. Among the interviewees who consider themselves unemployed, there are both self-employed and economically inactive. It was revealed that about 22% of the respondents are employed in the informal sector, moreover, more than half of them are referred to as “forced-employed”, since they have not been able to officially find a job. The urban population overwhelmingly prefers standard forms of employment, perceiving informal employment rather as a possible addition to the main place of work. In rural areas, the situation is the opposite, since informal employment takes the leading place, in fact performing the functions of the main employment. At the same time, the population rather passively uses the possibilities of obtaining additional income, preferring to live on benefits or to take odd jobs. The population practically does not use the opportunity to improve their qualifications or obtain an additional (new) work specialty. More than 60% of the respondents partially provide for their families, using archaic economic practices, i.e., collecting and processing natural resources (wild plants, hunting and fishing), that may indicate both a certain cultural phenomenon of the local population and a lack of financial resources in a significant part of the population. A certain mythologisation of the role of large agricultural enterprises in the development of the territory take place among the local rural population. A significant part of the surveyed rural population considers the creation of agricultural jobs to be a priority area of development, despite the fact that this type of activity has never been the main one and has not brought much income to the region, given the difficult agro-climatic conditions of the region.

Keywords: interregional migration, personal employment, unemployment, informal types of employment, demographic trends

References

1. Andreev E., Vishnevskij A. Blizhajshie demograficheskie perspektivy Rossii [Immediate demographic prospects for Russia]. *Demoskop Weekly*: 601-602b: 2-15:06.2014. Accessed 5.03.2020. URL: www.demoscope.ru (in Russ.).
2. Gimpel'son V. E., Kapeljushnikov R. I. Nestandartnaja zanjatost' i rossijskij rynek truda [Precarious work and the Russian labor market]. Moscow, Izd. dom GU VShJe, 2006: 400. (in Russ.)
3. Golenkova Z. T., Goliusova YU. V. Prekariat kak novaya gruppa nayemnykh rabotnikov [Precaria as a new group of employees]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*, 2015: 1 (195): 47–57. (in Russ.)
4. Golenkova Z. T., Goliusova YU. V. Rossiyskiy prekariat: problemy nakopleniya chelovecheskogo kapitala [Russian precariat: problems of human capital accumulation]. *Vestnik Instituta sotziologii*, 2016: 3 (18): 57–69. (in Russ.)
5. Goliusova YU. V. Problemy sotsial'noy mobil'nosti molodezhi s prekarnoy zanyatost'yu [Problems of social mobility of youth with precarious employment]. Pitirim Sorokin i paradigmny global'nogo razvitiya XXI veka (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya). Sbornik nauchnykh statey [Pitirim Sorokin and the paradigms of the global development of the Central Agricultural Institute of the century (to the 130th anniversary of his birth). Collection of scientific articles.]. Syktyvkar, Izd-vo SGU im. Pitirima Sorokina, 2019: 94–102. (in Russ.)
6. Goliusova YU. V. Prekarnaya zanyatost' molodezhi (po rezul'tatam sotsiologicheskikh issledovaniy) [Precarious youth employment (based on the results of sociological research)]. V sbornike: Budushcheye sfery truda: global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye. Sbornik statey Mezhdunarodnogo foruma. Ed by G. R. Baymurzinoy, R. M. Valiakmetova. Ufa, Mir Pechati, 2019: 184–188. (in Russ.)

7. Goliusova YU. V. Prekarnaya zanyatost' molodezhi kak sposob izbeganiya bezrobotitsy i nezanyatosti [Precarious employment of young people as a way to avoid unemployment and unemployment]. *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii FNISTS RAN*, 2019: 4: 74–83. (in Russ.)
8. Demograficheskiy potencial Dal'nego vostoka, ego dinamika i kachestvo [Demographic potential of the Far East, its dynamics and quality]. Accessed 12.03.2021. URL: <http://rybakovsky.ru/naseleniereg1.html> (in Russ.)
9. Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Problems of the development of precarious employment in rural areas of the Jewish Autonomous Region. *Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja*, 2018: 4: 33–45. (in Russ.)
10. Komarova T. M. Current trends in the age and sex structure of the population of the Jewish Autonomous Region. *Regional'nye problemy*, 2016: 19: 4: 131–134. (in Russ.)
11. Komarova T. M. Jekonomiko-geograficheskie faktory territorial'noj organizacii hozjajstva Evrejskoj avtonomnoj oblasti na jetape perehoda k rynochnym otnoshenijam [Economic and geographical factors of the territorial organization of the economy of the Jewish Autonomous Region at the stage of transition to market relations]: dis. ... kand. geogr. nauk / Ros. akad. nauk. Sibirsk. otd-nie. In-t geografii im. V. B. Sochavy. Irkutsk, 1998: 171. (in Russ.)
12. Komarova T. M., Kalinina I. V., Mishhuk S. N. Social'no-demograficheskaja bezopasnost' prigranichnogo regiona (na primere Evrejskoj AO) [Socio-demographic security of the border region (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Voprosy geografii. Sb. 141: Problemy regional'nogo razvitija Rossii* / Ed by V. M. Kotljakov, V. N. Streleckij, O. B. Glezer, S. G. Safronov. Moscow, Izd. dom Kodeks, 2016: 578–595. (in Russ.)
13. Komarova T. M., Neverova G. P., Suhoveeva A. B. Demograficheskiy krizis i modelirovanie demograficheskogo razvitija prigranichnogo regiona juga Dal'nego Vostoka Rossii (na primere Evrejskoj avtonomnoj oblasti) [Demographic crisis and modeling of the demographic development of the border region in the south of the Russian Far East (on the example of the Jewish Autonomous Region)]. *Nacional'nye proekty i sberezhenie natsii*. Moscow, 2008: 155–163. (in Russ.)
14. Mishhuk S. N. Dynamics of internal and international labor migration in the Russian Far East. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo*, 2020: 1: 68–74. (in Russ.)
15. Mishhuk S. N., Kalinina I. V. The current socio-economic situation in the Jewish Autonomous Region during the implementation of investment projects. *Regional'nye problemy*, 2017: 20: 4: 95–102. (in Russ.)
16. Naselenie Rossii 2013: 21 ezhegodnyj demograficheskiy doklad [Population of Russia 2013: 21st annual demographic report]. Ed by S. V. Zaharov. Moscow, Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2015: 428. (in Russ.)
17. Nikiforova A. A. Rynok truda: zanyatost' i bezrobotica [Labor market: employment and unemployment]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1991: 184. (in Russ.)
18. Pavlovskij E. V. Kratkosrochnoe prognozirovanie migracii v Rossii [Short-term forecasting of migration in Russia] dis. ... kand. jekon. Nauk, FGBOU Vysshego obrazovaniya Sankt-Peterburgskij Gosudarstvennyj Jekonomicheskij Universitet, St. Petersburg, 2019: 181. (in Russ.)
19. Revuckaja O. L., Krasota T. G. The production potential of the Jewish Autonomous Region: assessment and comparison with the regions of the Far Eastern Federal District. *Regional'nye problemy*, 2020: 23: 4: 22–34. (in Russ.)
20. Toshhenko Zh. T. Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu [Precariat: from protoclass to a new class]. Moscow, Nauka, 2018: 350. (in Russ.)
21. Toshhenko Zh. T. Precarious employment is a phenomenon of the modern economy. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2020: 8: 3–13. (in Russ.)

The article was submitted on: April 30.2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tatyana M. Komarova, Candidate of Geographic Sciences,
Deputy Director for scientific work of the ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

Irina V. Kalinina, Candidate of Geographic Sciences, senior researcher,
ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia

Sergey A. Solovchenkov, Candidate of Sociological Sciences, Scientific Secretary of the
ICARP FEB RAS, Birobidzhan, Russia